

01→

ТОЛЬКО В «ИЗВЕСТИЯХ»

ИЗВЕСТИЯ: Если сравнивать вашу лагерную прозу и то, что пишет Варлам Шаламов, у него гораздо больше ненависти и отчаяния. **ЖЖЕНОВ:** Тут дело в разном понимании жизни, разных характерах. Если у Шаламова превалировала ненависть к палачам, то во мне — нет. То ли по молодости, то ли я так психически устроен. В моих рассказах есть и положительная оценка тех людей, которые были моими палачами там. Человек — сложное существо. Ну, возьмите хоть того оперуполномоченного, на новости которого смерть моего друга Сергея Чаплина. А как он поступил со мной? Ведь он, матерясь и ругаясь, вывез меня, обмороженного, из ночного леса. Зачем ему это надо было? А потом еще позаботился о том, чтобы я, получив посылку, не умер от заворота кишок, набросившись на еду. Даже джентльмены Джека Лондона не поступали так, как он.

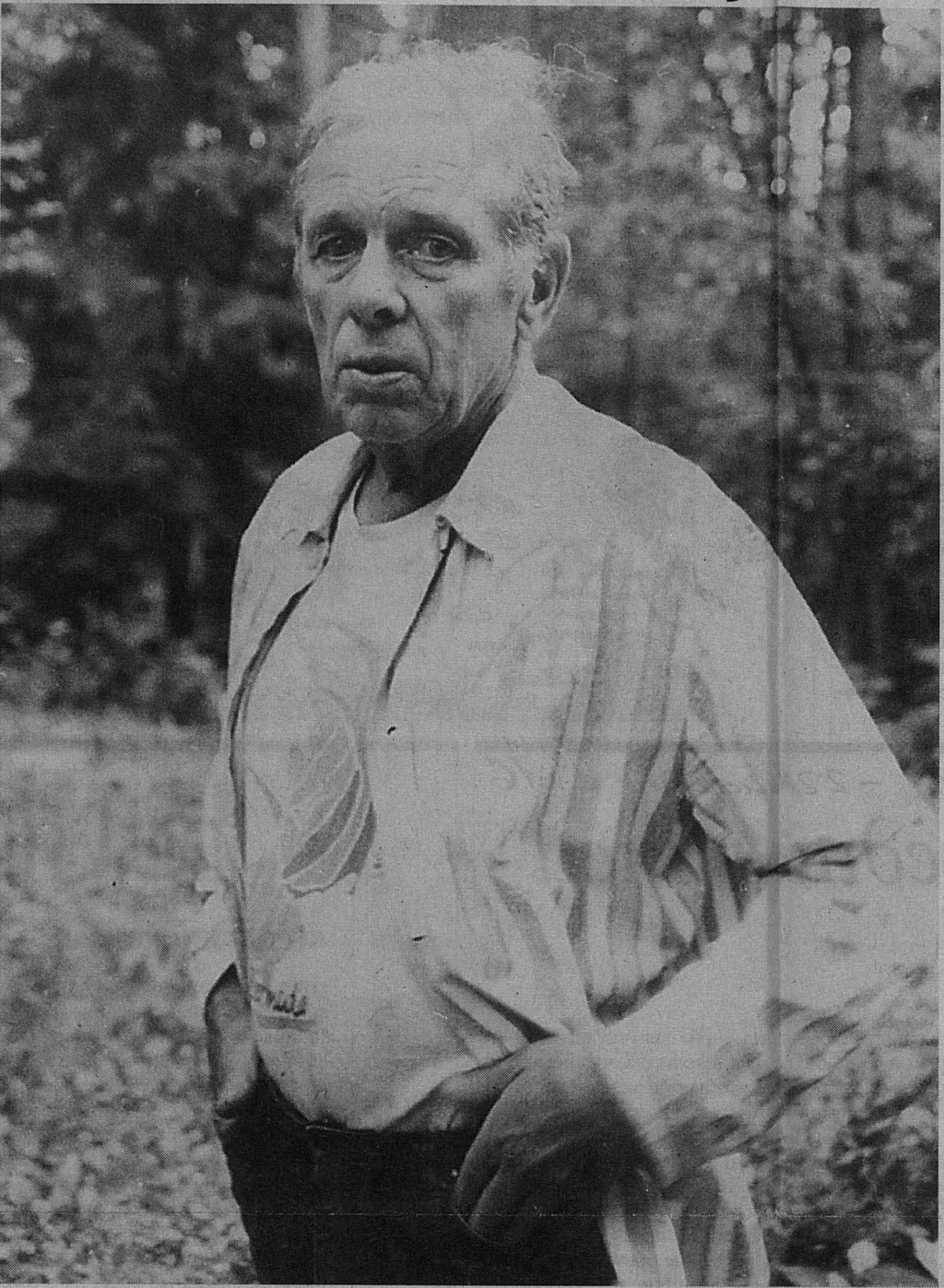
ИЗВЕСТИЯ: Вам никогда не хотелось разыскать следователей, которые обращались с вами жестоко, найти и тех, кто на вас доносил, и отомстить?

ЖЖЕНОВ: Нет. Мне кто-то из анонимных доброжелателей, видимо, сотрудников КГБ, прислал два личных дела моих следователей, моих палачей — Моргуля, старшего следователя контрразведки, и Кириленко. Этот был молодой, он вел со мною большинство допросов. Вымогал ответы насильственным путем. Но он все-таки самый мягкий был из них. И вот мне какой-то доброжелатель уже после моей реабилитации, после того, как ЖЖЕНОВ стал восприниматься как «жесток режима», прислал вдруг личные кадровые дела, анкетные данные моих следователей. Моргуль был расстрелян. А Кириленко затерялся где-то.

У меня был эпизод один. Когда я оказался на Кольме, первом моем лагере стал Лукьянский леспромхоз, 47-й километр, где мы тайгу валили. И поскольку лагерь только зачислялся, окружен он был поселком колонистов. Колонисты — это вроде бы вольнонаемные, но в то же время они не могут покинуть эти места. Обычно украинцев, прибавков туда присылали: в свое время советская власть с ними так поступала. Но это был вольный поселок, с нашей точки зрения, с точки зрения зеков. И туда привозили кино. И однажды мне стало известно, что привезли картину «Истребители», в которой снималась моя жена Женя Гольничук вместе с Марком Бернесом. Я узнал об этом и пошел к начальнику лагеря: «Разрешите иметь свидание

АКТЕР ГЕОРГИЙ ЖЖЕНОВ:

«Я сказал жене: «Не жди меня. Девяносто с лишним процентов, что я где-то погибну»

волосы поднимали и опять ставили. Менялись следователи — один приходил на смену другому, а я все стою, стою. Они выбивали так из меня нужные им ответы.

ИЗВЕСТИЯ: После отбывания срока вы с женой встречались?

ЖЖЕНОВ: Когда она была на последнем свидании в пересылке в Питере, я ей сказал: «Женя, не жди меня. Девяносто с лишним процентов, что я где-то погибну. Во всяком случае, свою жизнь ставить в зависимость от моей не надо. Ты молода. Спасибо за все, но живи как тебе захочется. Пусть я не буду теми веригами, которые на твоей совести останутся». Я с ней встретился, когда вернулся из первого заключения. Мы увидели, что жизни наши разошлись совершенно.

«Отец много пил, а в перерывах читал книгу «Трезвая жизнь»

ИЗВЕСТИЯ: Вы сравниваете то время, на которое пришлось ваша молодость и зрелость, с тем, что сейчас происходит?

ЖЖЕНОВ: Да как я сравню? Никак я не сравниваю. Все это былем поросло уже. Мне приходится вспоминать, порой с трудом, и я уже не могу утверждать, что в деталях правда, а что неправда. Все сливается в общее восприятие прошлого. Но я рад тому, что книжка моя с новеллами вышла. Большею частью они документальные, и я готов 700 раз подписаться, что это правда. И, кстати говоря, я очень благодарен, что очень многие писатели — Астафьев, Гранин, Солоухин — во мне своего брата-писателя признали и хвалили меня как литератора. А многие, кто читал, спрашивали: слушай, а кто писал? Кто у тебя редактор? Да никакого у меня редактора не было!

ИЗВЕСТИЯ: В одном из ваших рассказов вы описываете отца, который уходил в запой, а в перерывах читал книжку «Трезвая жизнь».

ЖЖЕНОВ: Ну какой редактор мне расскажет это про моего отца? Больше, чем я о нем могу рассказать?

ИЗВЕСТИЯ: Как вы думаете, противоречия, которыми был полон ваш отец, присущи русскому человеку, русскому характеру?

ЖЖЕНОВ: Это свойственно слабым людям. Как русский человек, как славянин, мой отец стремился к хорошему, к душевному. Вот он и читал «Трезвую жизнь». А прочитал — пустота организовывалась, и он опять запил. И так без конца, до самой смерти. Почему он так рано умер? Потому что после ареста брата Бориса и моего ареста всю семью выслали из Ленинграда. И его в том числе. Ему надо было где-то водку доставать, а достать ее он не мог. И страдал от этого. И от этих мучений он умер.

ИЗВЕСТИЯ: В ваших воспоминаниях очень чувствуются сильная привязанность и любовь к матери и нелюбовь к отцу.

ЖЖЕНОВ: Не нелюбовь... Конечно, я отца

и признавал, и сознавал, и соболезновал ему, жалел во многом. Но он был как обуза в семье, что ли. С матерью у них, естественно, конфликтные отношения были. А раз так, то нам, детям, надо было выбирать, за кого мы. За мать, конечно. Жалко отца. Отца жалко. Но если мать я жалею каждой фиброй своей плоти, души, то отца я жалею только сознательно.

Моя мама семнадцатилетней девчонкой деревенской вышла замуж за человека, у которого уже было пять ребятишек, мал-мала меньше. И своих еще пять родила ему. Мать — грандиозный человек. Смею думать, что я где-то повторяю и продол-

«К большевикам у меня ненависть есть. Но что толку?»

жаю жизнь матери. Хочу, надеюсь, смею так думать. И считаю, что если я зажил на белом свете, то я живу за своих двух братьев, жизнь которых превратилась трагичнее. Один в лагере на Печоре погиб, а второго расстреляли румыны в Мариуполе — оккупационные войска. Их с приятелем на глазах у моей матери и расстреляли.

«Последние слова, которые сказал мне арестованный брат: «Поехал вон, позвони матери»

ИЗВЕСТИЯ: Вы до сих пор не можете себе простить ваш последний разговор с братом Борисом? Когда его арестовали, дер-

жали в тюрьме, а потом дали вам свидание, а вы призывали его трудиться, работать в лагере честно. Мол, советская власть вознаградит за труд.

ЖЖЕНОВ: Это самое страшное воспоминание. Самый постыдный мой поступок. Я поражаюсь стойкости и достоинству Бориса, который, выслушав чушь, которую несет его родной брат, сказал: «Поехал вон, позвони матери». Да, это были последние слова, которые он мне сказал. А потом я сжигал переданные им записки, где он описывал, что с ним было в тюрьме. А мать — никогда не забуду этого — сказала: «Напрасно, сынок, может, пригодилось бы в жизни». Вещные слова! Это грех, который во мне так и остался.

ИЗВЕСТИЯ: Но вы же делали это от неведения.

ЖЖЕНОВ: Но это свидетельство не храбрости, а трусости. Боязни. Как бы чего не вышло... А ведь все равно вышло.

Сейчас мне дали в КГБ личное дело брата прочесть, и я узнал, что они там с Борисом делали. Палачи.

ИЗВЕСТИЯ: В Германии нацистских преступников до сих пор разыскивают и преследуют. Понятно, что сравнивать эти режимы, может быть, некорректно, но ведь есть же и открытые преступления.

ЖЖЕНОВ: Вы знаете, мне кажется, между нацистским режимом в Германии и нашим большевизмом есть связь. Наверное, произвол и там был, но такого дикого произвола, как в России... Мне даже не верится, что в Германии так было. Может быть, там как-то изощреннее душили, но каким-то иным, европейским, «цивилизованным» способом, не так, как у нас.

ИЗВЕСТИЯ: Вы встречались на воле с теми людьми, с которыми подружились в лагере?

ЖЖЕНОВ: С единицами потом встречался, но сейчас все померли. Еще в Ленинграде есть пара человек, которых мне надо обязательно посетить. Потому что вдруг откликнулись на одну из моих новелл «Я послал тебе черную розу». Я там пишу о человеке по имени Башин-Джаган.

Дело вот в чем. Когда нас забирали из тюрьмы «Кресты» на этап, то нас всех, вызванных из разных камер, воткнули в одну камеру. Нас было сорок с лишним человек. Когда давали поест, приходилось держать миску над головой, потому что было трудно повернуться. И вот я слышу в толпе стихи, великолепные стихи, восточные. Но я не мог оглянуться, чтобы разглядеть этого человека. Он читал печально, очень низким голосом, и эти стихи у меня на всю жизнь в памяти остались. На всю жизнь. Кто этот человек, читавший стихи? Что он из себя представлял? Ни черта я в этот момент не знал, только чувствовал его. Чувствовал, что это его последнее публичное выступление. А к утру нас в разные места, по разным автомобилям развели, по разным этапам. И этот человек скорее всего в лагерь стигнул.

Я кончаю свою новеллу тем, что обращаюсь к людям: «Люди, но ведь кто-то знает этого человека? Кто он? Кто он?» И в прошлом году мне откликнулся из Питера его внук! Я к нему должен приехать. Он сообщил, что, как я и полагал, его дед умер где-то в заключении или ссылке. Я дал слово, что, будучи в Ленинграде, посетю его, и эта новелла обретет какой-то определенный конец.

ИЗВЕСТИЯ: Все же странно, что у вас нет ненависти к тем, кто с вами поступал более чем жестоко.

ЖЖЕНОВ: Ненависть у меня есть к тем, кто родил и увековечил на какое-то время большевизм. К большевикам у меня ненависть есть, как к узурпаторам, к палачам. Но что толку? Как я ее выплескиваю? Вот я пишу, пишу, стараюсь держать правду, не лукавлю, не умалчиваю ничего. А что, среди большевиков великолепные люди попадались? Конечно. Дай бог нам сейчас иметь в быту те правила и хотя бы часть тех законов, которые действовали при большевиках.

«Моя жизнь — биография советской власти»

ИЗВЕСТИЯ: В своих воспоминаниях вы описываете, как с друзьями в двадцатые годы находили на ленинградских чердаках самые разные вещи. Почему люди стали эти вещи прятать?

ЖЖЕНОВ: Когда военный коммунизм сменил нэп, появилась частная собственность, частный капитал. Потом Сталин начал душить все это дело. И когда Сталин начал это уничтожать, люди стали прятать по чердакам все, что могло их скомпрометировать. Мы находили там реликвии старого мира. Находили оружие, на плиту бросали патроны, порох. Родители, конечно, возмущались. А мы ведь были пацанье — мне в 23-м году восемь лет было.

ИЗВЕСТИЯ: С вашими сестрами вы потом долгое время встречались?

ЖЖЕНОВ: До их замужества и далее. Одна сестра, самая старшая, дожила до 93 лет. А так — остальные пораньше ушли из жизни.

ИЗВЕСТИЯ: То есть сейчас из той семьи остались только вы?

ЖЖЕНОВ: Да, я один небо копчу.

ИЗВЕСТИЯ: Если бы вам предложили прожить еще раз какое-то одно самое замечательное событие в вашей жизни, что бы вы выбрали?

ЖЖЕНОВ: Для меня самое главное, самое святое в моей жизни — это мать. И, наверное, я выбрал бы что-то, что с ней связано. Я сейчас не берусь говорить вам, что именно, какой эпизод — когда она меня порола за что-то или, наоборот, конфетку давала (смеется). Или, скажем, были такие случаи, когда мы воровали у матери деньги. Она торговала на базаре горшками, а мы понемножку воровали у нее. И однажды мать нашла у меня в кармане денежки. Говорит: «Где взял?» — «Нашел». — «Где?» — «На памятнике». — «Ах, на памятнике нашел? Поди и положи обратно. Значит, кто-то оставил в надежде, что он вернется и возьмет, а ты забрал». — «Ну а если не придет никто?». — «Ничего, ничего, положи туда». Нас мать так воспитывала.

ИЗВЕСТИЯ: Мама пыталась внушить вам какие-то основы веры?

ЖЖЕНОВ: Мама у меня была в меру верующим человеком. Соблюдала праздники. Но не более.

ИЗВЕСТИЯ: То есть в лагере вы не могли опираться на веру?

ЖЖЕНОВ: Нет, конечно. Моя жизнь — биография советской власти. Я родился в 1915 году. Шла Первая мировая война. Вслед за ней через год, через два отрекся Николай от престола, и большевики использовали это обстоятельство. И я свидетель эпохи большевизма, в каком-то смысле ее жертва. И свидетель падения большевизма.

ИЗВЕСТИЯ: И нового времени.

Георгий ЖЖЕНОВ: «Был такой режиссер Виллен Азаров. Я с ним делал три фильма — «Путь Сатурна», «Конец Сатурна» и «Бой после победы». Когда я у него снимался, со Студии Горького пришло предложение сыграть резидента. Я Азарову рассказал. Он говорит: «Ну что ты! Ты здесь играешь начальника КГБ, генерала. А там — шпиона». Хорошо, что я его не послушал. И сыграл врага советской власти, заклятого врага, да еще потомственного. Но в результате того, что я сыграл этого резидента, я получил все почетные грамоты наших силовых органов — КГБ, МВД, все ордена, которые существуют. Я ведь перелиповывался в картину, начинал служить советской власти». На фото: Кадр из фильма «Возвращение резидента» (1982)

ЖЖЕНОВ: И нового времени, в которое, к сожалению, вошли большевики, не утратившие ни экономического влияния, ни политического. Перелицевавшиеся большевики. Но надо полагать, что большевизм свою роль сыграл в истории и что с ним покончено.

ИЗВЕСТИЯ: В Челябинске вам открыли двухметровый памятник. Что вы почувствовали, глядя на себя, отлитого в бронзе?

ЖЖЕНОВ: Удовольствия мне это не доставило — до сих пор неловко.

ИЗВЕСТИЯ: Ваша дочь, если я не ошибаюсь, стала артисткой.

ЖЖЕНОВ: Дочь моя сейчас имеет троих маленьких детей и занята их воспитанием. Взяла антракт в своей трудовой деятельности и занимается только этим. И я благословляю ее, потому что это самое главное, самая обязательная и благородная миссия — вырастить себе подобных людьми настоящими. Дай бог ей в этом успеха. А профессия, надеюсь, вернется, никуда она не должна деться.

ИЗВЕСТИЯ: О чем вы думаете, когда остаетесь в одиночестве?

ЖЖЕНОВ: Сожалю, что я писательству отвел место не самое главное в своей жизни. Правда, обстоятельства жизни не всегда способствовали этому занятию — на Кольме за каждый найденный клочок испанной (для памяти) бумаги я рисковал получить пулю в лоб.

И сейчас многое неладно. Но надежда есть, что страна все-таки пойдет по правильному пути. Наверное, сказывается, что Россия только в 1861 году избавилась от крепостного права. Совсем недавно. А европейские страны когда избавились от этого рабства? Поэтому фору они имеют перед нами большую. Рабского у нас больше сохранилось.

В последнее время больше стало свободы, свободы мыслей, выражения, волеизъявления. Конечно, меня радуют акты возмущения, которыми отвечают люди на несправедливость, допущенную властью. Раньше не смели, а теперь смеют. Слава богу. Значит, несправедливости — совсем откровенной — придет конец. Посмотрим.

Георгий ЖЖЕНОВ: «Помню свою первую встречу со Смоктуновским в Норильске. Я туда был послан, а Кеша там хоронился. Ему «повезло» быть военнопленным в свое время, а военнопленных тогда не падали: большинство из них сразу по возвращении в Россию оказывались в фильтрационных лагерях. Кеша, чтобы избежать этого, добровольно уехал в Норильск. Богом проклятое место, где не было советской власти. Город под началом МГБ. И никаких горсоветов, никаких горисполкомов не существовало. И вот Кеша туда, в эти каторжные места, смылся нарочно. Он стал вольнонаемным и просидел все это критическое время в Норильске. То есть он был в двусмысленном положении: вроде бы и ссылка, а вроде и свободен. Когда время прошло и советская власть там уже укрепилась, я ему говорю: «Ну, чего ты сидишь здесь? Сейчас не опасно уже для тебя, возвращайся на материк». Короче, я был инициатором того, что Кеша уехал на Большую землю. Многие с ним случились с моей подачи. Я его связал с Райкиным Аркашей. Я ведь с Райкиным когда-то учился в Питере. Поэтому у нас с ним дружба была еще прежняя, старинная. Словом, я, чем мог, Кеше с возвращением помог тогда». На фото: Кадр из фильма «Берегись автомобиля!» (1966)

с женой». Он говорит: «Что такое? Как с женой?» Я ему объясняю, что идет картина в вольном поселке и там моя жена играет с Бернесом главную роль. Он изумился, но отпустил. А тогда перед художественным фильмом всегда демонстрировалась какая-то хроника. И вдруг в этой хронике я вижу своего следователя Кириленко! В каком качестве? В фильме показывали освобождение Буковины — как мы насаждаем там советскую власть. И я смотрю: водят праздничные хороводы организованные, буковинцы нескладно радуются советской власти, которая наконец-то пришла. И среди этих хороводов я вижу своего следователя! Думаю, ах ты, сукин сын, и ты там!

На его допросах я стоял по семь суток, и если падал от изнеможения, то меня за